ДЖУЛИАН АССАНЖ
Неавторизованная автобиография

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

JULIAN ASSNGE
The unauthorised autobiography

CANONGATE

Edinburgh • London • New York • Melbourne

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

ДЖУЛИАН АССАНЖ
Неавторизованная автобиография

Перевод с английского А. Ширикова

АЛЬПИНА БИЗНЕС БУКС
Москва
2012

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

УДК 82–94
ББК 84 (8)
А 90

Ассанж, Джулиан

А 90 Джулиан Ассанж: Неавторизованная автобиография / Джулиан Ассанж; [пер. с англ. А. Ширикова]. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. — 264 с.
ISBN 978–5-91657–363–3

Джулиан Ассанж, основатель скандально известного сайта WikiLeaks, где публикуются секретные или закрытые для общего доступа сведения, разоблачающие коррупцию и злоупотребления в странах Средней Азии, Китае, России и на Западе. Его имя известно во всем мире. Его ненавидят и боятся правительства и корпорации, военные и политики.

Эта книга рассказывает не только о работе WikiLeaks, но и о моральном и политическом развитии его основателя, о его детстве и юности в Австралии, о путешествиях по Европе, Азии и Африке и о многом другом, что происходило с автором вплоть до сегодняшнего дня.

Историю своей жизни Ассанж начал писать в декабре 2010 года, в разгар борьбы с обвинениями в сексуальных преступлениях и гневных заявлений американских политиков после публикации секретных материалов дипломатического корпуса США.

Книга написана от первого лица, но в последний момент автор пожелал расторгнуть контракт на издание, посчитав ее слишком личной и откровенной. Вопреки воле автора издатель рискнул напечатать книгу с подзаголовком «Неавторизованная автобиография».

К сегодняшнему дню книга уже переведена на 35 языков мира.

УДК 82–94
ББК 84 (8)

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, если на это нет письменного разрешения издателя.

© Julian Assange, 2011
© Перевод на русский язык, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо»», ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2012
© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2012

ISBN 978–5-91657–363–3

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Оглавление

От британского издателя 7
1. Одиночное заключение. 11
2. Магнитный остров. 27
3. Бегство 41
4. Мой первый компьютер 55
5. Шифропанк. 69
6. Обвиняемые 87
7. В будущее — дорогой точных наук 101
8. Рождение WikiLeaks 123
9. Мир, где вольно дышится 141
10. Исландия 163
11. Сопутствующее убийство 181
12. Вся редакторская рать 195
13. Кровь 215
14. Кейблгейт 239
Послесловие 251

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

От британского издателя

Джулиан Ассанж подписал контракт с Canongate Books 20 декабря 2010 года. Предполагалось создать в какой-то степени мемуары, в какой-то — манифест. И уже в следующем, 2011-м, году издательство планировало выпустить автобиографию Ассанжа.

В то время Джулиан говорил: «Надеюсь, книга станет одним из документов, свидетельствующим о сплоченности нашего поколения. В этом, исключительно личном, сочинении я рассказываю о нашей глобальной борьбе за новый тип взаимодействия между народами и их правительствами».

В итоге произведение оказалось чересчур личным.

Джулиан тогда находился под домашним арестом в поместье Эллингем-холл (Норфолк); он потратил больше пятидесяти часов на интервью и провел множество бессонных ночей, обсуждая с писателем, нанятым для работы над текстом, свою жизнь и деятельность WikiLeaks. Но мысль о публикации автобиографии начинала все более его тревожить. Прочитав первый вариант, подготовленный к концу марта 2011 года, он заявил: «Любые мемуары — проституция».

Выпуск книги был уже запланирован издательствами тридцати восьми стран мира, и именно в этот момент, 7 июня 2011 года, Джулиан сообщил, что хочет расторгнуть контракт.

Мы не согласны с оценкой, которую он дал книге. В ней, по нашему мнению, Джулиан раскрывается как человек, абсолютно

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

преданный правде, и это многое проясняет в его деятельности. Он не раз высказывал пожелание, чтобы книга была хорошо написана. Мы разделяем такое мнение и считаем книгу вполне достойной наших читателей.

Теперь о контракте. К тому времени, как Джулиан решил разорвать наше соглашение, он уже потратил весь аванс на оплату услуг своих адвокатов. Следовательно, договор остается в силе. Мы намерены соблюсти его, то есть издать автобиографию Ассанжа.

Таким образом, перед вами первый вариант книги — вариант, не согласованный с автором, но, подобно автору, такой же страстный, провокационный и категоричный. Этот текст соответствует первоначальной идее, и мы горды тем, что публикуем его.

Canongate Books,
Сентябрь 2011 г.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Если хочешь построить корабль, не созывай людей, чтобы они валили деревья; не назначай им сроков для выполнения работ, а лучше пробуди в них страсть к бескрайним просторам моря.

Антуан де Сент-Экзюпери*

* Подобной фразы у Экзюпери нет; это краткое изложение его рассуждений, взятых из романа «Цитадель», о природе человеческих возможностей и творческом потенциале, см. *Антуан де Сент-Экзюпери*. Цитадель / Пер. с фр. Марианны Кожевниковой. М.: АСТ, 2003. *Здесь и далее примеч. переводчика*.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

1
Одиночное заключение

Мне повезло: я рос в атмосфере, перенасыщенной вопросами, поскольку родители мои были людьми весьма любопытными. Поэтому годы спустя мне выпало на долю нажить врагов, ненавидевших меня за это правдоискательство. Даже собственное имя можно было бы забыть под теми потоками брани, которые обрушивали на меня. Однако я отлично знаю, кто я есть, и надеюсь, смогу рассказать все сам. Меня зовут Джулиан Ассанж. Однажды в Лондоне я был объявлен в розыск. На этом история могла бы и закончиться, если бы не осложнения — осложнения, связанные как с обстоятельствами того времени, так и с моей личностью. Обычно про прошлое говорят, что оно похоже на чужую страну*, но и будущее, если это допустить, может стать точно таким же: воистину открываются глаза на мир, когда тебя мчит куда-то полицейский фургон.

Все вокруг выкрикивали мое имя. Будто скандировали лозунги. Фоторепортеры облепили окна и скреблись в них, словно крабы в ведре. Я ощущал, как раскачивается фургон, казалось, он вот-вот перевернется; а ведь это были всего лишь журналисты, пытавшиеся меня сфотографировать. Я сполз вниз и уткнул голову

* «Прошлое — это другая страна: там все иначе» — эта расхожая фраза принадлежит Лесли Хартли и открывает его роман The Go-Between (Л. П. Хартли. Посредник. СПб.: Северо-Запад, 1993).

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

в колени — совсем не хотелось, чтобы меня выставляли преступником. В какой-то момент я посмотрел вверх и увидел, как они, пытаясь поймать меня в кадр, со стуком упирают камеры в тонированные стекла. Я закрыл голову руками. Внезапно машина резко тронулась с места. Несомненно, остальные задержанные не подозревали, кто я. Некоторые из них, не ожидавшие такого рывка, попадали в своих отсеках, о чем можно было судить по их крику и грохоту. Других вся эта суета и тряска лишь рассмешила. Шоу закончилось. Через сорок минут мы достигли ворот Уандсвортской тюрьмы. Это случилось 7 декабря 2010 года.

У входа в тюрьму, как это ни странно, я почувствовал уверенность. Полагаю, в какой-то степени это было связано с пониманием, что мое ненормальное положение тщательно расследуется. Я знал: мир следит за мной. Поэтому мои беды чего-то стоили — они шли на пользу правильному делу, а я стал тем, кто открыто принимал огонь на себя. В глубине души меня, конечно, ужасала мысль, что из-за нашей работы на мне будет стоять клеймо преступника, но я полностью отдавал себе отчет: это только увеличит ценность наших дел и обострит дискуссию о справедливости и законности. То была не смелость, а всего лишь хитрая тактика. Меня попросили сдать личные вещи, которые в тот прекрасный день свелись к шариковой ручке и 250 фунтам наличности. Мне приказали раздеться, чему я подчинился, и мне немедленно выдали тюремную одежду — серый свитер и серые штаны. Когда в Уандсвортскую тюрьму в 1895 году перевели Оскара Уайльда, он пришел в благородное возмущение, обнаружив, что ему не выдали жилета. «Умоляю, простите мне мою вспышку», — сказал он стражнику. Я постараюсь не сравнивать себя с Уайльдом и умолчу о собственном скудном запасе жилеток, однако ирландец не мог не прийти на ум в этой омерзительной викторианской каталажке. Потом мой адвокат рассказал, что я сидел в той же камере, в которой томился Оскар. Не очень в этом уверен, но меня не покидали мысли о его мужестве в борьбе с предубеждениями; с ним обращались ужасно и содержали в нечеловеческих, просто

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

душераздирающих условиях. Должен сказать, что в Уандсворте мне вспоминались многие узники прошлого и настоящего.

Я много думал о Брэдли, молодом американском солдате, который подвергался жестокому обращению в американской тюрьме*, по моему мнению, он был бесцеремонно осужден лишь за то, что забил тревогу по поводу незаконных военных действий. В тюремной камере его история постоянно занимала мои мысли.

Попав в подобную ситуацию, человек непроизвольно начинает мерить камеру шагами. Подобно пантере в клетке, он мечется в поисках выхода. Расхаживая туда и обратно, пытаясь физиологически приспособиться к крохотному пространству, я планировал свои дальнейшие действия. Я понимал: все происходящее мерзко и уродливо, но оно ненадолго. Вы убеждаете себя в этом до бесконечности и пытаетесь сосредоточиться. А за стенами тюрьмы, стараясь вытащить меня, мои адвокаты работали до поздней ночи, но, казалось, их мир отстоит от моего на множество световых лет. Я кружил по камере и как никогда чувствовал смысл слова «одиночка».

Вентиляционное отверстие моей камеры оказалось закрытым обычным листом писчей бумаги, видимо, мой предшественник таким образом боролся с шумом и холодом. Позже, когда охранники выключили свет, я наконец понял, что такое самое худшее — полная изоляция. Я, живущий ради одной цели: устанавливать информационное взаимодействие, вдруг понял, насколько тяжко сидеть вот так, взаперти, и не иметь возможности слышать что-либо самому и быть услышанным кем-либо. А если учитывать специфику работы WikiLeaks, то мое положение становились особенно трудным. Ведь мы вели информационные войны с изрядным числом противников, и некоторые ситуации требовали моего непосредственного ежечасного вмешательства. Когда утром включили свет, я уже знал, что надо выяснить в первую очередь: как отсюда звонить. Могут тюремщики проявить снисхождение

* Мэннинг Брэдли — военнослужащий армии США; обвинялся в предоставлении WikiLeaks секретной военной информации.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

и разрешить парню доступ к Интернету? Маловероятно. Однако мой жизненный принцип — никогда не терять надежды, и тогда невозможное остается невозможным лишь до тех пор, пока ваше воображение не докажет обратного. Вот почему я непрерывно думал, продолжал надеяться и в конце концов нажал кнопку экстренного вызова.

Мне разрешили встречу с начальником тюрьмы. Именно по его распоряжению я находился в крыле «Онслоу», где содержались «особо опасные» заключенные. Эта часть Уандсворта, состоящая из нескольких ярусов и имеющая отдельные камеры, славилась своей особой культурой. Судя по всему, начальник решил отправить меня туда из-за риска, что на меня нападут другие заключенные. Странное предположение: все, с кем я там встречался, определенно стояли на моей стороне. Крыло «Онслоу» было заполнено насильниками, педофилами и мафиозными боссами, иногда там сидели знаменитости. Я находился один в камере, и по-прежнему мне не разрешали пользоваться телефоном. Ни позвонить, ни написать, ни поговорить с коллегами — ни одного шанса. В этой клетке я чувствовал себя вызывающе дерзким, но полностью безоружным.

Камера находилась в подвале размером примерно два на четыре метра, в моем распоряжении имелись кровать, раковина, унитаз, стол, шкаф и грязно-белые стены. Бóльшую часть стены занимала серая пластиковая конструкция, обеспечивавшая воду и систему вентиляции для умывальника и туалета. При разработке системы пытались минимизировать вероятность, что узник покалечит себя, в результате все было унылым, сглаженным и скрытым от глаз. Умывальник — без крана, унитаз — без бачка и даже без рычага для слива воды. Все автоматизировано или управлялось прикосновением руки. На стене у кровати размещалась кнопка экстренного вызова врача; также висела занавеска, закрывающая унитаз. Наверху в стене было пробито маленькое зарешеченное окно с расстоянием между прутьями около четырех сантиметров. Окно выходило на тюремный двор — небольшую площадку, окруженную неприступным забором, покрытым несколькими слоями

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

колючей проволоки. Иногда по утрам я видел ноги заключенных, проходящих мимо окна, слышал крики, обрывки шуток и разговоров. Установленная над дверью инфракрасная камера наблюдения непрерывно следила за мной. Ее глаз, уставившись на меня, всю ночь светился угрюмо-красным цветом. Сама дверь — абсолютно гладкая, без ничего — была снабжена глазком, прикрытым снаружи металлической пластинкой.

Поскольку заключенные проявляли ко мне повышенный интерес, то кто-нибудь обязательно заглядывал в глазок, любопытствуя, чем я занимаюсь, и пластинка, поднимаясь и опускаясь, беспрестанно пощелкивала. У Робера Брессона есть фильм «Приговоренный к смерти бежал»*, там удар ложкой по кирпичной кладке может показаться звучанием оркестра, — прекрасное кино, но прежде всего блестящая работа звукооператора. В Уандсворте каждый звук был именно таким: наполненным пустым пространством и эхом. Когда пластинку глазка приподнимали, она скрипела, и я чувствовал на себе чей-то взгляд. Что и говорить. Они хотели знать, как я справляюсь со своим положением узника. Или как я выгляжу. Сегодня мы живем в такое время, когда ни одна знаменитость не может себя чувствовать защищенной от любопытства и подглядываний; вскоре сквозь дверь я начал слышать разное шептание. Причем шепот наполнял все пространство камеры: «Осторожнее, следи, с кем говоришь»; «У тебя все будет хорошо»; «Не доверяй никому»; «Ни о чем не волнуйся».

Казалось, я попал в какую-то дурную версию «Барбареллы»**. Мне хотелось быть свободным и заниматься журналистикой, а не торчать здесь, изображая мученика. И все, чему я научился в жизни, не только не помогало, а делало просто невозможным

---

* «Приговоренный к смерти бежал, или Дух дышит, где хочет» — подлинная история побега участника французского Сопротивления из гитлеровской тюрьмы. Приз Каннского фестиваля за лучшую режиссуру (1957).

** «Барбарелла» — научно-фантастический фильм Роже Вадима (1968) о женщине-астронавте, искательнице сексуальных приключений, путешествующей по Вселенной.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

переварить бюрократический ад тюрьмы и преодолеть позорный ужас перед слепым давлением власти. Каждый час заключения — это партизанская война против посягательств на ваши права и против вторжения в вашу жизнь разной писанины и отупляющих правил. Вы хотите подать всего лишь заявку на приобретение почтовой марки, — но рискуете заработать переохлаждение уймой разных способов. Когда меня перевели в новое крыло, я продолжал добиваться своего права на звонки. И это напоминало настоящий сталинизм. Бóльшую часть времени, проведенного там, я потратил на то, чтобы выбить звонок адвокату. Для звонка нужно было набирать заранее оговоренный номер из заранее представленного списка и иметь деньги на телефонном счету. Счет мог быть местный или международный, но для каждого требовалась своя форма заполнения. Причем и заполучить, и передать назад эти формы — суровое испытание. Я столько раз заполнял бумаги, что почувствовал себя диккенсовским персонажем из «Холодного дома», участником тяжбы «Джарндисы против Джарндисов». Нескончаемый процесс. Я должен был указать имя, телефонный номер, адрес и дату рождения человека, которому я собирался позвонить. После этого — заполнить форму, чтобы получить PIN-код для местных звонков и еще один — для международных. Все начиналось как фарс, затем превращалось в кошмар и изощренную пытку. Бланки форм ходили туда-сюда или просто терялись. И когда в итоге ты добирался до телефона, на разговор выделяли лишь десять минут. А потом не полагалось звонить в течение пяти минут. Звонки — кроме разговоров с адвокатами — записывались, однако требовалось предпринимать особые шаги, чтобы еще доказать, что ваш собеседник — адвокат. Именно по этой причине тюремное начальство принимало только офисные телефонные номера, а не мобильные, хотя юристов лишь по мобильному и достанешь. И всё в таком духе — кафкианские миазмы мелких гадостей и помех.

В конце концов мне удалось поговорить с матерью и адвокатом. Я также попытался дозвониться до Дэниела Эллсберга — человека,

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

предъявившего миру «Документы Пентагона»*. Он не отвечал. Выяснилось, что Дэниел в то время как раз приковывал себя к воротам Белого дома. (Чтобы не допустить этого, у него забрали наручники.) «Добрый день, Дэн, — сказал я его автоответчику. — Привет тебе из подвалов викторианской каталажки. Послание всем остальным: „Вам бы здесь побывать“».

Шли дни, и мне стали подсовывать под дверь документы, некоторые — ночью, сопровождаемые шепотом. Среди них было много газетных вырезок и подборок, скачанных из Интернета, с пометами заключенных. Одна из статей называлась Is Rape Rampant in Gender-Equal Sweden? («В Швеции с ее равенством полов бесчинствуют насильники?»). В тюремном заточении обычно расцветают как всевозможные теории заговора, так и характерное для узников содействие в юридических делах. Заключенные, безусловно, обладают немалым опытом, и большинство из них строги и к себе, и к окружающему их порядку, принимая как должное, что тюремная система явно настроена на выжимание из них всех соков. Многие из тех, кто подбрасывал мне под дверь корреспонденцию, были подлинными экспертами по судебным ошибкам, и это служило утешением в ночные часы. Было бы глупостью с моей стороны думать, будто все заключенные невинны, но некоторые — определенно, и я чувствовал, что эти документы и письма — проявление солидарности. В тюрьме естественно испытывать сильный гнев, я и злился, выписывая восьмерки по своему загону, словно спятившая пчела, и пытаясь хоть чем-то себя занять. Как-то утром я получил конверт, а внутри — ничего. Стоя под окном, я мог видеть падающий снег. Кажется, это происходило

* «Документы Пентагона», или «Бумаги Пентагона» — секретный сборник документов «Американо-вьетнамские отношения, 1945–1967: Исследование», подготовленный Министерством обороны США; из представленных фактов следовало, что США намеренно обостряли ситуацию для эскалации вьетнамской войны. Дэниел Эллсберг — аналитик госдепартамента США, который незаконно скопировал часть этих документов и обнародовал их сначала в газете New York Times (1971), а позже отдельным изданием (The Pentagon Papers. New York: Bantam Books, 1971). «Документы Пентагона» были полностью рассекречены в 2011 году.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

10 декабря. Потом я выяснил, что в конверте должен был лежать журнал Time. Обложку украшало мое лицо, а рот мне закрывал американский флаг. В передовице меня назвали «исключительно талантливым шоуменом». Может быть, так оно и есть, но в тот момент я себя таковым не ощущал. Пока, вместо того чтобы почитывать Time, я мотал свой срок и ради нотки разнообразия все высматривал что-то новое в продуваемой щели под дверью — пусть даже какую-нибудь чепуху, но предназначенную для заключенного номер A9379AY. Вот так и бывает: тебе затыкают рот, тебя держат во тьме, твою личность сводят всего лишь к номеру, а ты высматриваешь свет, проникающий из окна или из-под двери.

Один из самых нужных документов подсунул мне заключенный по имени Шон Салливан. Это была копия договора «Об экстрадиции между Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии и правительством Соединенных Штатов Америки», подписанного Дэвидом Бланкеттом и Джоном Эшкрофтом* в марте 2003 года. Седьмая статья касалась смертной казни, и в ней говорилось, что государство, от которого требуют экстрадиции, вправе отказать в ней, если в стране, делающей запрос, рассматриваемое правонарушение может караться смертной казнью. Между тем американские политики уже призвали к моей экстрадиции, чтобы предъявить мне обвинение по закону «О борьбе со шпионской деятельностью». Конгрессмен Питер Кинг написал Хиллари Клинтон, что я возглавляю «террористическую организацию» и обращаться со мной следует соответственно. Тот самый Питер Кинг, который, погромыхивая жестяной банкой, шатался по улицам Нью-Йорка и собирал деньги для Ирландской республиканской армии. Сам он называл себя «Олли Нортом по ирландским вопросам»**. Меня

---

* Бланкетт Дэвид — министр внутренних дел Великобритании (2001–2004); Эшкрофт Джон — генеральный прокурор США (2001–2005).

** Норт Оливер — сотрудник администрации Рейгана, заместитель директора аппарата Совета национальной безопасности США; замешан в скандале «Иран-контрас», инициатор финансирования никарагуанских повстанцев за счет тайных поставок оружия в Иран.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

изумляло, насколько эти официальные блюстители, преследующие нас за «правонарушения», сами агрессивны и преступны. Я прочитал документ и вновь осознал: независимо от того, что обо мне говорили или выдумывали, я был лишь пешкой в большой игре. Мне оставалось только сохранять ясность мысли, принимать на себя весь огонь, переносить насмешки, издевающиеся над моим характером и моими целями, — и продолжать работать.

Я получал письма и даже сумел отправить несколько, но, поскольку бюрократическая машина работала безотказно, это постоянно сопровождалось какими-то трудностями. Тюрьма подобна острову, и ее обитатели могут казаться людьми совершенно недоступными — конкретное и вполне жизненное воплощение продажной власти. Поэтому письма помогали мне ощущать хоть чью-то заботу и чувствовать себя человеком в бесконечной веренице дней, проведенных в Уандсворте. В письмах угадывалась совсем другая страна, а не та Англия, где только умели поливать помоями, — страна, где люди осознавали, что они сами должны стоять на страже своих свобод. Из Хэмпшира: «Дорогой Джулиан, вы меня не знаете. Я лишь один из миллионов граждан по всему миру, видящих, что происходит, и не ослепленных политическими играми, жертвой которых стали вы». Из Талс-Хилл: «Всегда помните, что достижения WikiLeaks жизненно важны для развития нашего мира. P.S. Посылаю вам книгу головоломок, чтобы было чем занять себя». Из Бейзингстока: «Я поддерживаю вашу позицию и думаю, вы стали жертвой, пострадали от влиятельных сил». Из Йоркшира: «Слышите, как рушится их каменная крепость? Продолжайте свое достойное дело. Вам всегда будут рады в Северном Йоркшире. Кроме того, в этой части света прекрасный Интернет». Из Эссекса: «Мне кажется, ваша история заставила многих людей сесть и по-настоящему задуматься о власти, политике и коррупции». Из Мерсисайда: «Мы думали о вас прошлым вечером и надеемся, что вы в целости и сохранности в этом неприятном месте. Когда вас выпустят, не могли бы вы приехать к нам на Северо-Запад и объяснить людям, как важна свобода мысли, слова и информации?»

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Некоторые письма приходили на рождественских открытках, с подписями вроде «Пожилая дама» или «Друг». Менее дружелюбной оказалась вырезка, которую мне прислали примерно в то же время: статью «Assassinate Assange?» из Washington Times. Придумал этот чудный каламбур* некто Джеффри Кунер, который решил несколько остудить пыл восторженных чудаков: «Господин Ассанж — не журналист и не издатель. Скорее, он вражеский солдат, и относиться к нему следует соответственно». Если кто-то и не понял, что все-таки хотел сказать автор, то в последнем предложении Кунер сам развеял все сомнения: «Мы должны относиться к господину Ассанжу точно так же, как к другим опаснейшим террористам, то есть убить его».

Наверное, меня должны были бы возмутить и такой образ мысли, и подобные высказывания коллеги-журналиста в мой адрес, но я давно уже усвоил, что многие журналисты — не более чем стенографисты могущественных людей. Так чего же удивляться, что Джеффри Кунер хотел видеть меня мертвым, если телевизионная звезда и клоун-губернатор Сара Пэйлин уже назвала меня «антиамериканским агентом, чьи руки в крови»? И если меня счел «врагом США» сам генеральный прокурор Эрик Холдер, то надо ли изумляться словам неоконсерватора Чарльза Краутхаммера на канале Fox News, предупредившего, что мне придется оглядываться через плечо всякий раз, как я выйду на улицу. Бывший советник Буша Джек Голдсмит, возможно, думая расшаркаться перед американскими СМИ, заявил, что их «патриотизм» облегчил правительству работу со средствами информации. Если когда-нибудь мне пришлось бы получить такой «комплимент», думаю, я уволился бы сразу.

---

* Дословно заголовок статьи переводится как «Убить Ассанжа?», но может быть другой вариант, сохраняющий игру слов: «Ассасины для Ассанжа?» Ср. *assassinate* (убить по политическим или идейным мотивам; совершить террористический акт) и *assassin* (наемный убийца); восходит к слову *ассасины* (употребляющие гашиш) — так в Средние века стали называть фанатиков-мусульман, совершавших убийства по политическим и религиозным мотивам.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Когда я возвращался в камеру — из прогулочного дворика или библиотеки, — мои собратья-заключенные пялились на меня. Тюремная администрация параноидально боялась, что кто-нибудь из них сфотографирует меня мобильным телефоном. Телефоны в тюрьме под запретом, но у многих они были, и все шло к тому, что моя фотография появится в газете. Так что начальник тюрьмы назначил охранника, который сопровождал меня повсюду.

— Они думают, все хотят до меня добраться.

— Кто думает?

— Начальство.

— Ну, у каждого есть цена, а у них за душой ничего.

В комнате для посещений я познакомился с католическим священником. Мне не требовалось духовной поддержки, да я и не считал себя подходящим кандидатом на ее получение; но этот человек был из Уганды, и я почувствовал родство с ним, так что мы поговорили и посмеялись. Возвращаясь назад, я заметил на книжной полке в коридоре книгу Солженицына «Раковый корпус». Я взял ее в камеру и окунулся в нее с головой — вековая мудрость о бесчеловечном мире и утешение от милосердной книги. Там есть рассказ об одной образованной интеллигентной женщине, ее мужа забрали в исправительно-трудовой лагерь, и в разговоре с Костоглотовым, главным героем, она признается в своих сомнениях, что и как ей следует говорить сыну:

> …Нагружать всей правдой? Да ведь от нее и взрослый человек потонет! Ведь от нее и ребра разорвет! Скрывать правду, примирять его с жизнью? Правильно ли это? …Да еще и удастся ли? — мальчонка ведь и сам смотрит — видит.
>
> — Нагружать правдой! — Олег уверенно вдавил ладонь в настольное стекло*.

Во внешнем мире сотни газет писали обо мне. Я слышал об этом от своих сторонников, и это заставило меня многое

* А. Солженицын. Раковый корпус. Лондон: Flegon Press, 1968. С. 381.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

переосмыслить. Самой масштабной операцией в истории публикаций секретных материалов стал «Кейблгейт»*. Дальше я задумался над моей шведской историей — причинами, ее вызвавшими, и ценой, которую приходится платить. Действительно ли я спровоцировал ненависть этих женщин, просто не позвонив им? События во времени разворачиваются последовательно, но в наших воспоминаниях — вовсе не обязательно. В тюрьме я думал о своем жизненном пути, о возможностях, кризисах и в конце концов погрузился в раздумья о мире, стоящем за всем этим. Судил ли я об этом мире неверно или мои действия вполне соответствовали тому, чего я пытался добиться? Не слишком ли сильно я пнул янки под дых? Я полагал, что после бесчисленных злоключений всех людей, вовлеченных в мои проблемы, дело все-таки разрешится, а я вынесу урок из этого полного потрясений года. Что и говорить, в одиночном заключении я осознал силу моего гнева — у меня его хватит еще на сотню лет, но моей задачей было продолжать публиковать материалы дальше и наблюдать, как на них реагирует мир.

Слушания о моем освобождении под залог проходили 14 декабря в Вестминстерском магистратском суде на Хорсферри-роуд. Зал суда был переполнен, как, собственно, и улица, по которой меня везли в полицейском фургоне. Кто-то сказал, что в районе вокзала Виктория дороги слишком коварны, и я улыбнулся, подумав: «С вероломством я уже успел познакомиться, так что мир дорогам». Обвинители были намерены противодействовать залогу ценой любых обстоятельств: изображать меня злодеем из фильмов о Джеймсе Бонде; человеком, обладающим широкими связями; настоящим компьютерным магом, способным увильнуть от любых средств надзора. Они предполагали, что я могу взломать электронные браслеты, какие надевают при домашнем

* «Кейблгейт» — так по аналогии с «Уотергейтом» мировые средства массовой информации назвали важнейшую публикацию WikiLeaks: зашифрованные депеши американских посольств со всего мира (*cable* — телеграмма, шифрограмма); см. об этом в гл. 14.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

аресте. Безусловно, мы могли бы такое сделать; однако обвинители были падки на самые низкие слухи, в большом количестве поставляемые журналистами. Им требовался злодей с серебристыми волосами; псих, вечно поглаживающий своего кота; маньяк, помешанный на массовом соблазнении женщин и захвате мировой власти. Было и интересно, и одновременно тревожно наблюдать, как люди, сбитые с толку тянувшимися за мной грязными заявлениями и публикациями, утрачивали чувство справедливости. Противостоять им не было никакого смысла. Обо мне уже успели составить нужное представление, а я не находил в себе ни соответствующего опыта, ни желания бороться с этим. Но вот моим юристам, насколько я понимал, придется сражаться и с обвинением, и с журналистами, предполагавшими, что они смотрят фильм, а не участвуют в торговле человеческими жизнями.

Судья на моем процессе вынес порицание тем присутствующим, которые пользовались Twitter. Этот жест выглядел довольно символичным. В британских судах неуважение к судье зачастую влечет санкции, а в центре моего дела всегда было, можно сказать, поколенческое бунтарство. (Позже совет Высокого суда постановил, что использование Twitter в суде допустимо.) Сумма залога тоже вызвала немало шума. Я был только правозащитником и главой некоммерческой организации, но газетные публикации, написанные в бойком голливудском стиле, побудили суд установить невероятную сумму залога — 240 тысяч фунтов. А меня продолжали посещать мысли вроде: «Нет, я не стану жертвой этой ситуации. Я не преступник». Такие чувства бурлили во мне весь день, с того момента, как меня привезли в суд в фургоне. Камеры опять стучали в окно, и я смотрел вверх, складывая пальцы в «знак мира». Фотография попала во все газеты, хотя с моей стороны этот жест был импульсивным, всего лишь попыткой сказать: «Вы не превратите меня в скукожившегося от страха преступника». Меня пытались раздавить в крохотной камере, но в тот день я прибыл в суд, будучи уверенным, что все складывается — и не на их, а на наших условиях.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Однако надо мной все еще висела угроза. Я начинал осознавать, что, вероятно, теперь вся моя жизнь — сплошная опасность. Сидя на скамье подсудимых, я противопоставлял их обвинениям свое чувство достоинства и истины. В моем понимании это был показательный процесс, и когда им не удавалось найти брешь в нашей аргументации, они выпускали свою конницу и давили меня тяжелыми колесницами. И я учился этой игре. Там, на скамье подсудимых, я вдруг понял, что они не знают меня. Возможно, я был лишь порождением их собственного напуганного воображения; обвинители, как многие политики во многих странах, представляли меня воплощением угрозы, тогда как в огромное число обычных людей наша организация вселяла надежду. Я посмотрел на своих сторонников в задних рядах и помахал им.

В тот день, 14 декабря, меня выпустили под залог, но тут же сообщили, что шведские власти оспорили решение суда, а значит, я отправляюсь в Уандсворт. Тяжкий удар: мне опять придется расстаться с друзьями и единомышленниками и прервать консультации с адвокатами. И вот снова я в тюремном фургоне, ползущем сквозь толпу журналистов; снова я вхожу в камеру и слышу, как за мной захлопывается дверь. Однако, как я уже сказал моей матери до суда, мои убеждения остались твердыми, и никакие обстоятельства не поколеблют мои идеалы.

Проведя еще две ночи в тюрьме, я вернулся в суд 16 декабря и на этот раз предстал перед Высоким судом. Следующие два дня были посвящены формальным вопросам. Мне нечего сказать о судье, за исключением того, что он вел себя так, будто ему через плечо заглядывал корреспондент Times. Иначе трудно понять, почему он счел нужным установить столь высокий залог и столь строгий домашний арест. По мнению судьи, в зале стоял некий теневой лидер, киношный мафиозный заправила, который может испариться в любую минуту в клубах дыма, умчаться на мощном вертолете или исчезнуть в лучах лазеров. На деле моя ситуация выглядела куда более обыденной, чем ему представлялось. Я ничего не имел: ни дома, ни машины — вообще почти ничего,

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

лишь сумку с телефонами. Судья так и не понял этого и, по сути, определил мне наказание лишь в качестве меры предупреждения. Против меня не было выдвинуто обвинений, меня только хотели допросить в стране, чьим мотивам я в то время не имел никаких оснований доверять. Вот и все.

В результате деньги, собранные моими сторонниками в качестве залога, были переведены, а кассация шведской стороны отвергнута. Я вот-вот должен был очутиться на свободе. Сколько она продлится, я не знал. Мне предписали находиться под домашним арестом в доме моего единомышленника в Норфолке и ждать до февраля слушаний об экстрадиции. Но в тот момент в суде я ликовал. Лично я рассматриваю свое пребывание в тюрьме как травматический опыт, но эти испытания только придали мне смелости и оказались весьма поучительными; я наконец увидел масштабы того, чего добился WikiLeaks. Этот опыт заставил меня углубиться в собственное прошлое и давал надежду на будущее. Теперь мы официально выступали против власти старого порядка; против его фундаментальных основ; его мощи, позволяющей затыкать людям рты; против его устрашений.

Я вышел из дверей суда чуть раньше шести вечера. Удачный момент, чтобы попасть в прямой эфир вечерних новостей. Адвокаты стояли у меня за спиной, и я сразу услышал приветственные выкрики и увидел толпу фотографов и журналистов. Уже стемнело, но там, где я находился, было светло от вспышек фотокамер. Собралось множество людей, хотя уже за три метра невозможно было что-то разглядеть из-за темноты и сильного снегопада. Я молча стоял, шум постепенно утихал, а я все думал, что же сказать. Мне следовало поблагодарить многих людей, но, хотя пришло время праздновать, я мысленно был с теми, кто все еще сидел по тюрьмам всего мира, кого заточили в одиночные камеры и о ком молчала пресса. За них никто не внесет залога, и у них нет шанса выйти на свободу.

Не правда ли, снег смягчает картину, останавливает бешеную гонку жизни, приглушает звуки? Когда я стоял около суда, именно

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

так все казалось, и тогда ко мне пришла ясность. От вспышек сотен фотоаппаратов светились снежинки. Несколько мгновение я вглядывался в их кружение, и там, на ступенях лестницы, мне стало очевидно: чтобы увидеть этот снег, я прошел очень долгий путь.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

Почитать описание и заказать в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги: Проза: Детские книги:

МИФ